

АЛИНА КУСКОВА

СТРАСТИ ПО КРИМИНАЛЬНОМУ НАСЛЕДСТВУ

- Заплатите моими брильянтами.
- Что она сказала про брильянты?!
- Какие брильянты? Откуда они у нее?
- Старинные кольца, серьги с чистейшими брильянтами французской огранки...
- Бабуля, говорите громче!
- Где, дорогая Алевтина Ивановна, вы заныкали драгоценности?..
- Они здесь...

Алина Кускова

**Страсти по
криминальному наследству**

«Автор»

2008

Кускова А.

Страсти по криминальному наследству / А. Кускова — «Автор», 2008

ISBN 978-5-9524-3890-3

В одной из московских коммунальных квартир умерла одинокая старушка — Алевтина Ивановна Воробьева. Все хлопоты, связанные с похоронами, взяла на себя сердобольная Василиса. Похоронили бы старушку и забыли, но в последние мгновения она поведала всем тайну о драгоценностях, которые хранила еще с революционных времен. Соседи моментально решили, что нажитые Алевтиной Ивановной сокровища хранятся здесь же, в их квартире. Все важные дела отошли на второй план. И в самом деле, что может быть неотложнее поиска старинных бриллиантов?

ISBN 978-5-9524-3890-3

© Кускова А., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алина Кускова

Страсти по криминальному наследству

Реальные события, на которых основана эта книга, произошли в московской коммунальной квартире. В результате случившегося один из обитателей коммуналки стал сказочно богат. Совпадения имен и фамилий персонажей с именами и фамилиями нынешних жильцов коммунальных квартир случайны.

Вместо предисловия

Все началось с того, что закончилось бременное существование Алевтины Ивановны Воробьевой. Девяностопятилетняя старушка приказала долго жить. Ее кончина была бы тихой и спокойной, если бы не одно обстоятельство: последние силы Алевтина Ивановна потратила на взмах костлявой руки, который принес уйму волнений и разочарований ее соседям. Не ожидая никакого подвоха со стороны сморщенной пожелтевшей особы, соседи собрались у смертного одра и мирно переговаривались.

– Какого рожна ей приспичило помирать именно сегодня?! – возмущался писатель Звягинцев. – Мне как раз сейчас нужно бежать подписывать договор на книгу!

– А ко мне должна прийти приятельница, она вернулась с курорта, – вздохнула Матильда Кошкина. – И вместо того чтобы слушать о ее приключениях, я должна выслушивать эти стоны?!

– У меня экзамен, – поделился с присутствующими студент Кулемин, – а профессор такой гад!

– Я тоже занят, – заявил соседям Матвей Васин, – мне Люсю нужно встречать с работы.

– Так что, – подвел итог Звягинцев, – получается, что свободна у нас одна Василиса, ей и досиживать до самого конца.

Василиса никак не отреагировала на его слова. Слезы текли по ее опущенному симпатичному личику и собирались в огромную каплю на носу. Она ее автоматически смахивала и продолжала накапливать следующую. Плакала она совершенно искренне, за последние пять лет Васюня, как ласково называла ее Алевтина Ивановна, очень привязалась к старушке и всегда помогала той, чем могла.

– Значит, так! – прокричал ей на ухо Звягинцев. – Василиса, ты должна вызвать «скорую помощь», участкового и представителей домоуправления. Кого там еще нужно вызывать в таких случаях? – Он повернулся к соседям.

– Труповозку, – предположил Кулемин и направился к выходу.

– Да, – согласился Звягинцев, – можно и ее.

– Вызови на всякий случай какое-нибудь юридическое лицо, – посоветовала Матильда, направляясь следом за студентом к двери.

– К чему?! – изрек Звягинцев. – Старушка бедна как церковная мышь!

– И так народу припрется черте сколько, а платить нечем, – недовольно буркнул Матвей, вставая со стула. – Прощевайте, Алевтина Ивановна.

– Заплатите моими брильянтами, – прощамкала беззубым ртом умирающая.

– Она бредит, – почесал затылок Матвей. – Ну, вы идите, – он подтолкнул соседей к выходу, – я тут посижу еще немного.

– «Бредит»? – недоверчиво переспросила Матильда, останавливаясь. – А до этого она была в здравом уме и светлой памяти. Даже припомнила мне свою сгоревшую кастрюлю!

– Что она сказала про брильянты?! – заинтересовался Звягинцев.

– Я все слышал. – Студент Кулемин резко развернулся и направился к одру. – Она простонала что-то невразумительное.

– Ничего подобного! – возразил Матвей. – Я отлично понял, что она предложила заплатить своими брильянтами. Бабуся, – он наклонился над умирающей, – а где мне их взять?!

– Какие брильянты? – прошептал Звягинцев, возвращаясь обратно. – Откуда они у нее?

– От революции, – простонала Алевтина Ивановна, – я экспроприировала их вместе с Дзержинским. Старинные кольца, серьги с чистейшими брильянтами французской огранки...

– Интересно получается, – пробурчал Звягинцев и наклонился к Воробьевой. – Расскажите-ка поподробнее, облегчите свою душу. Кстати, – он недовольно поглядел на окружающих, – сбегайте, позовите священника!

– Сейчас всё бросили и побежали! – язвительно улыбнулась Матильда. – Бабуля, говорите громче! А то на галерке не слышно.

– Я вместе с Дзержинским... – продолжала та, – но потом меня чуть не расстреляли... Я одна... Оставляю их Васюне...

– Нет! Она точно бредит! – заявил Звягинцев. – Какие сокровища?! Да еще Василисе! Зачем ей сокровище? Она выскочит замуж за одинокого миллионера и станет богатой. Миллионеры падки на тупых блондинок.

– Как же, выскочит, – возразила Матильда, поправляя роскошную гриву рыжих волос, – как будто одинокие миллионеры встречаются в коммуналках на каждом шагу. Если здесь и попадется залетный, он обратит внимание прежде всего на более интересную женщину!

– Матильда! – оборвал ее монолог Звягинцев. – Вы мешаете слушать. Мы так и не узнали самого главного. Где, дорогая Алевтина Ивановна, вы заныкали драгоценности? В подушку? Под матрас? В гамбсовские стулья? Закопали их на лужайке в Александровском саду или перед Кремлевской стеной? Ну, не в могиле же Дзержинского они, в самом деле?! – Он начинал терять терпение.

– Они здесь, – вздохнула старушка, и ее сморщенная рука, описав в спертом воздухе странную окружность, ударилась о стену, после чего безжизненно упала вниз.

– Глупости какие-то, – разочарованно произнес Звягинцев, – в стене?!

– Бред, определенно бред воспаленного сознания, – поддакнула Матильда.

– Старческий маразм, – согласился с ними студент.

– Нет, ну как же, она же сказала, что брильянты здесь, – попытался возразить Матвей и получил свою порцию презрительных взглядов.

Василиса разрыдалась.

Глава 1

Для обнаружения металлов детектор должен постоянно находиться в движении

Коммунальная квартира в доме, находящемся практически в центре столицы, была лакомым куском для риелторов, предлагающих расселить соседей и обустроить из их комнат стоящее пристанище для состоятельных людей. Не было ни дня, чтобы кто-нибудь из агентов не забежал в квартиру провести жильцов и получить их согласие на переселение. В принципе, за исключением старушки Воробьевой, писателя Звягинцева и Василисы, все были согласны на переезд. Держаться было не за что, только за район. Сами комнаты представляли собой небольшие замызганные помещения, давно ждущие капитального ремонта. Народ же, их населяющий, был более привлекательным, хотя бы чисто внешне. Этот диссонанс выпячивался особенно явно на общей кухне, когда Матильда Кошкина в японском шелковом кимоно варила ароматный кофе или Людмила Васина, ее яростная противница, размешивая в немецкой никелированной кастрюльке зеленую жижу, занималась приготовлением отвара для укрепления сил у верных мужей. Поговаривали, что Люся занималась колдовством, с помощью которого и окрутила своего нынешнего супруга. Писатель Александр Сергеевич Звягинцев появлялся на кухне редко, но метко. Раз в полгода, после того, как сдавал свой очередной опус в печать, в пожелтевшей раковине появлялась бутылка дорогого коньяка и под завистливые взгляды домочадцев охлаждалась под струей проточной воды. Отлично вписывался в простор с осыпающейся побелкой и темным от копоти потолком студент Кондратий Кулемин. Его вечно голодный вид гармонировал с кухней, полной контрастов. Василиса забегала в обшарпанное помещение пищеблока чаще всего по утрам, для того чтобы отварить себе покупных пельменей и заварить геркулес для старушки Воробьевой. Но сегодня она не думала о диссонансах, только горько вздыхала, глядя на пачку начатых овсяных хлопьев.

На девушку после смерти подопечной свалилось сразу столько хлопот, что рыдать ей было некогда. На похороны пошли все ее сбережения, денег не хватило, и Василисе пришлось занять, чтобы добрая старая женщина могла упокоиться с миром и достоинством. Мирным ее погребение можно было назвать с натяжкой, как ни странно, на кладбище явились все соседи. Они внимательно приглядывались к маленькой процессии, пытались услышать хоть что-то о сокровищах, но вели себя вполне пристойно. Кроме студента Кулемина, который неожиданно для всех принялся водить по гробу металлоискателем, взятым у приятеля – черного копателя. Его еле оттащили по– еле того, как прибор отобрал Федор Кошкин, – тот им чрезвычайно заинтересовался.

В принципе Федор всегда любил технику, этим объяснялось то обстоятельство, что он занимался продажей подержанных автомобилей, на которые у него не было документов. Если бы не взятки определенным должностным лицам, бизнес приносил бы немалые доходы и позволил бы купить более приличное жилье. Но пока навару хватало только на то, чтобы обеспечить сносное существование супруги, обладающей четвертым размером бюста и приличным аппетитом. Подмигнув Матильде, Федор сунул ей ручной металлодетектор в сумку.

Кулемин затеял ссору, потребовал прибор назад, и Матильде пришлось пообещать ему плошку супа и тарелку плова, после чего студент успокоился и даже пустил слезу по почившей старушке. Плакал студент редко, последний раз в пятом классе, когда соседка по парте предпочла ему друга, с которым поцеловалась у всех на глазах. После школы влюбленные поженились, через пару лет со скандалом развелись. Но у Кулемина затаилась обида на весь женский род, который он искренне ненавидел. Больше всего почему-то он не любил Людмилу Васину.

Высокая брюнетка пользовалась заслуженным успехом у противоположного пола. Она говорила с придыханием, внимательно слушала собеседника, особенно если это был спортивного телосложения блондин, призывно вздыхала, глядя ему в глаза. Ее супруг Матвей Васин, далеко не спортивный блондин, до встречи с ней благополучно воспитывал детей с другой, менее внимательной женщиной. Этим и воспользовалась роковая брюнетка, окрутившая доверчивого Васина за один вечер. Злословили, что Людмила подлила ему в напиток одурманивающего зелья, после которого он очнулся и пришел в себя, но было уже поздно. Жена не перенесла измены и выгнала Васина из дома прямо в руки довольной соперницы. К слову сказать, Васин был начальником у Людмилы, работали они в частном охранном агентстве, занимающемся разнообразной деятельностью. Но эта деятельность, к великому сожалению супругов, приносила большие деньги только владельцу, им же доставались жалкие крохи. Людмила проводила прибор в сумке Матильды завистливым взглядом и сузила злые глаза.

Матильда тем временем делала вид, что слушала священника, читающего заунывную молитву по пятому разу, и раздумывала о том, что в ее руках, а точнее в сумке, находится то, что сделает ее счастливой. Она нисколько не сомневалась, что старуха сказала перед смертью правду. С чего ей было врать, указывая на стенку? Самое приличное место дляклада, ведь недаром сейфы делают именно там. А стена, на которую указала костлявая рука покойницы, как раз была общей с их комнатой! Ей, как домохозяйке, ничего не стоило шарить по ней целый день напролет и искать сокровище.

«Да, – думал писатель Звягинцев, глядя на сумку Матильды, – этой стерве очень повезло. У них со старухой общая стена! Но если предположить тот вариант, что рука не полностью описала то, что хотела, и просто не дотянулась до противоположной стены...» Звягинцев захихикал и попытался воспроизвести жест наяву, но поймал на себе осуждающий взгляд Василисы. Ничего, у него еще будет время порассуждать о противоположной стене, которая была общей у него и старухи! Эта белокурая пигалица, судя по всему, ничему не поверила и ничего искать не собирается, только косит налево и направо, осуждая нормальных людей.

Василисе было некогда, даже если бы она захотела искать клад. На работе (она занимала должность администратора зала) ее завалили делами. Приближалось лето, с ним шла очередная пора свадеб, маленькое кафе получило столько заказов, сколько ему никогда и не снилось. Обеспечивать их и поддерживать связь с родственниками молодоженов должна была Василиса. В чем-то кончина соседки облегчала ее жизнь, и Василиса пыталась смириться с происшедшим, килограммами поедая любимые конфеты «Москвичка».

– Не забудь забрать ее документы, – нервно трясла головой толстая начальница домоуправления, страдающая от повышенного давления. – Тебе придется съездить в пенсионный фонд и написать заявление, – она наморщила лоб, – перед этим заведи свидетельство о смерти. Еще что-то, я сейчас и не припомню, скажу позже. Алевтина была одинокой, придется тебе, дочка, заниматься ее делами.

Они с участковым позволили Василисе взять ободранный альбом с пожелтевшими фотографиями и шкатулку-сундучок с документами покойницы. Окинув последним взглядом комнату, Василиса вышла. Дверь тут же опечатали пластилиновой печатью.

– Теперь начнутся разборки, кому комната достанется, – вздохнула домоуправительница и направилась к выходу.

– Как это кому?! – выдал себя Звягинцев, подслушивающий под дверь. – Мне, кому же еще?! Я, как писатель, давно имею право на отдельный кабинет!

– Одна уже получила отдельный деревянный кабинет, – грубо пошутил представитель правоохранительных органов и наступил Звягинцеву на «больной мозоль», – смотрите, чтобы и вам не пришлось менять прописку. – И громко захохотал.

– К чему это он клонит? – возмутилась Матильда, когда за участковым захлопнулась дверь.

– Он намекает на то, что я теперь единственный, кто противится переезду! Они убили старушеницу потому, что она тоже была против! Так вот в чем дело, – Звягинцев нахмурился, – они ее убили. Василиса, – внезапно он остановил девушку, шедшую к себе, – ты переезжаешь?!

– Теперь мне все равно, – она пожала плечами, – я из-за Алевтины Ивановны не хотела съезжать.

– Вот видите! – взвизгнул Звягинцев. – Я один как перст! – И ушел, громко хлопнув дверью.

– А к старухе действительно накануне приходил агент из «Корпорации коммунальных квартир», – подумала вслух Матильда, – он мог забрать брильянты, а чтобы все было шито-крыто...

– Дорогая, – позвал ее Кошкин, – у нас еще есть дела. И он помахал ей издали металлоискателем.

Матильда сорвалась с места и побежала, в ее глазах все еще теплилась надежда.

– Чем они там занимаются? – Людмила Васина приложила ухо к соседской двери, из-за которой доносились чувственные стоны.

– Любовью, – пожал плечами ее супруг, державший кастрюльку с отваром.

– Не может быть, – процедила сквозь зубы Людмила, – в таком-то экстазе – и с Федором?! А если там не Федор?! – Она мстительно улыбнулась и толкнула дверь, собираясь войти без стука.

Картина, которая предстала ее взгляду, была довольно странной. Кошкин, держа в одной руке непонятный прибор, стоял у стенки, от которой была отодвинута вся мебель, в позе распятого грешника, только задом наперед. Его супруга расположилась под его рукой и чутко прислушивалась.

– Звенит, – стонала она, – не звенит. Нет, снова звенит! И ее грудь возбужденно вздымалась.

– А что это вы делаете? – поинтересовался Матвей Васин.

– А вы-то что здесь делаете?! – возмутился Федор, с неохотой отрываясь от странного занятия.

– Там телефон звонил, – соврала Людмила, – спрашивали Матильду.

– Скажите, что ее нет дома, и закройте дверь с обратной стороны! – рявкнул Федор на бесцеремонных соседей.

– Да, – поддержала Матильда, – между прочим, неприлично врываться в комнаты без стука!

– Ах так! – подбоченилась Людмила. – Неприлично искать сокровища тайком от соседей!

– Мы ничего не ищем, – встала напротив нее Матильда в точно такой же позе. – Мы собираемся делать ремонт. Вот!

– Да, – менее уверенно заявил Федор, – и проверяем крепость стены. – Для достоверности он стукнул кулаком.

– Звенит, – прислушалась Матильда и тяжело задышала, – там точно что-то звенит.

– Неужели, – изумился Матвей, подавшись к ним, – старуха не обманула?!

– Глупости все это, – заявил Федор, отодвигая жену в сторону, – нашли чему верить. Старческий маразм и бред умирающей.

– Нет, ну как же, – возразил Матвей, – я же сам слышал, как она сказала про брильянты в стене.

– А с чего вы взяли, что она сказала про стену? – В проеме появилась голова студента Кулемина. – Она сказала: «Они здесь», то есть в ее комнате. – Он раздвинул в стороны чету

Васиных и прошел вперед. – Старуха взмахнула рукой, – он повторил ее жест, описывающий окружность, – о чем это говорит?

– О чем?! – хором переспросили соседи.

– О том, что брильянты могут быть где угодно, – заявил Кулемин. – В потолке, в стенах, в полу. Давайте мой металлоискатель и плов.

– Логично, – раздался голос писателя Звягинцева, следом за которым все увидели и его самого. – Логично, молодой человек. Только вы не учли одного.

– Чего? – переспросил дружный хор.

– Того, что она нас всех обманула, – заявил писатель и забрал ручной металлоискатель из рук Федора. – Вы же ничего не нашли в этой стене? Не нашли. А если бы там что-то было... – Звягинцев подошел к Матильде, увешанной драгоценностями, и прибор сразу тонко и противно запищал. – Старуха нам отомстила, сказав про брильянты, а мы повелись, как малые дети. – Он вернул прибор студенту. – Бред сумасшедшей, ее зловерные козни. Подумать только, она и Дзержинский! Анекдот.

– Бред, – кивнул Федор.

– Нет, отчего же, – Матвей наморщил лоб, – по годам как раз получается...

– Бред, – одернула его супруга, – бред чистой воды. У Кошкиных в стене ничего нет. – Последнее умозаключение доставило ей полное удовлетворение.

– Интересно, – почесал затылок студент, – а кто живет над нами и под нами?

– Забудьте о сокровище, как о страшном сне, – посоветовал Звягинцев. – Кстати, – он указал на прибор, – занимательная штука. Одолжите мне его на выходные. Хочу покопаться на даче, но боюсь. В Великую Отечественную там шли бои, в земле осталась масса снарядов.

– Да, штука замечательная, – обрадовался Кулемин, – если старуха все-таки что-то спрята- тала, с ним я обязательно найду. Отдам только на воскресенье, – сказал он Звягинцеву.

– Отлично, – ухмыльнулся тот, – да мне и часа достаточно.

– Так я не понял, – развел руками Матвей, – что делать-то? Сокровище не искать?

– Я тебе позже все объясню, – зашипела на него Людмила, улыбаясь. – Глупости все это. К тому же такой мелкой технике нельзя доверять.

– Кто спорит, – вздохнул Кулемин, – арочные многозонные металлодетекторы гораздо надежнее. Как только мой приятель приобретет, я у него возьму.

Когда соседи вышли из их комнаты, Федор закрыл дверь на ключ и сел на диван. Он выглядел расстроенным, даже его стриженный ежик, до этого торчавший иголками, поник. Матильда, наоборот, не потеряла присутствия духа, решила приободрить супруга и наставить его на истинный путь.

– Мы не сдадимся на милость судьбе, – говорила она, любовно гладя кирпичную кладку с отодранными от нее обоями. – Мы найдем брильянты. Пусть они не в этой стене, но у комнаты старухи есть еще три стены, потолок и пол!

– Но комната опечатана, – задумался на мгновение Федор, который привык играть с законом в поддавки. – Нужно купить свой прибор, чтобы эти идиоты ничего не подумали, и залезть в комнату раньше их. – Он вскочил и бросился к двери. Я за мелкой техникой. Жди меня, дорогая! Сегодня ночью нам предстоит разбогатеть.

Матильда послала ему вслед воздушный поцелуй.

– Полезная штукавина этот металлоискатель, – мечтательно произнесла Людмила, разливая отвар, повышающий работоспособность, по чашкам. – Если в стене Кошкиных ничего нет, значит, брильянты лежат в одной из других трех стен. – Она скосила глаза на удивленного супруга. – Да, мы будем искать сокровище. Только не станем кричать об этом на каждом углу! Понял, Пусик? – Тот молча кивнул. – Хорошо. Тогда собирайся и беги за прибором. Тянуть

резину нельзя. У писателя общая стена с бабкой, и нет никакой гарантии, что сейчас он ее не ковыряет гвоздиком. Ты понял, что тебе нужно купить?

– Ручной металлоискатель, – повторил Матвей, делая глоток мутной жижи.

– Не обязательно ручной, можно и промышленный, – сказала ему Людмила. – Только пронеси его в дом по частям. Как стемнеет, мы пойдем на дело. А я пока займусь сон-травой.

Студент Кулемин возился возле двери старухи Воробьевой и разглядывал печать, когда двери Кошкиных и Васиных распахнулись одновременно и на порогах возникли мужские фигуры. Соседи пронеслись мимо него с бешеной скоростью и исчезли на выходе. Кулемин пожал плечами и приложил к стене, выходящей в коридор, свой металлоискатель. Тяжело вздыхая, так и не дождавшись вождя писка, он переместился дальше.

– Ничего здесь нет, – прошептал тихо. – Осталось две стены, пол и потолок. Тра-та-та-тра-та-та, я несу с собой крота, – запел он громко, заметив, что приоткрылась дверь Звягинцева, и сделал несколько шагов ему навстречу.

– А! – обрадовался писатель. – Кондрат, да ты с прибором! Ты бы дал мне его на часик, – сосед хитро улыбнулся, – сам понимаешь, нужно же приловчиться, изучить характеристики...

Застуканный в коридоре студент не нашел ничего лучшего, чем протянуть металлоискатель Звягинцеву, тем самым избавив себя от подозрений этого проныры.

– Я его нес вам, – сказал он, страдая. «Сволочь, – подумал студент, когда за писателем, вооруженным металлоискателем, закрылась дверь, – если он ничего не найдет, останется только одна стена, пол и потолок. И одна ночь, чтобы найти брильянты!»

Существование в коммунальной квартире было мирным по праздникам, когда домохозяева собирались на общей кухне и по давно заведенной традиции поднимали фужеры с шампанским в честь наступающего Нового года или Дня Победы. После этого они расходились кто куда, но уже с чувством выполненного долга по отношению к окружающим. В обычные дни чувство долга затмевалось мелкими обидами по отношению к этим самым окружающим, поэтому совместное распитие спиртных напитков на общей кухне было невозможным. Александр Сергеевич Звягинцев понимал, что рискует, выставляя в раковину бутылку «Хеннесси» в обычный повседневный вечер. Коньяк был куплен им после получения гонорара за книгу. Обычно он распивал всю бутылку сам, закусывая деликатесами и заваливался спать. На этот раз он решил изменить своим принципам.

– Дамы и господа! – кричал он на общей кухне. – Я приглашаю всех отметить мой юбилей!

– Вам уже стукнуло пятьдесят? – заглянула к нему на зов Матильда. – А вы кажетесь совсем не старым, еще даже очень ничего. – Она игриво улыбнулась, скользя вызывающим взглядом по стройной фигуре.

– Что вы говорите? – Звягинцев выпятил грудь и соврал. – До пятидесяти мне далеко.

– И что же мы будем отмечать? – хмуро поинтересовался притаившийся следом за женой Федор. – Взятие Бастилии?

– А ее взяли силой, – продолжала кокетничать с писателем Матильда, – или она отдалась ему по доброй воле?

– Кто кому отдался? – заинтересовалась Людмила и разочарованно протянула: – Я-то думала...

– Вот здорово, – обрадовался, увидев коньяк, зашедший за ней Матвей. – Они напьются и уснут.

Людмила наступила супругу на ногу шпилькой, он взвыл.

– Кто кричал? – На кухню, куда его всегда приводило чувство голода, заглянул студент.

Я не кричал, молодой человек, – поправил его Звягинцев, – я приглашал всех соседей отметить со мной скромный юбилей. Сегодня я заключил договор на свою двадцать пятую книгу.

– Вот дает! – изумился Кулемин и принялся к ароматам. – Плов?!

– Минуточку внимания! – неожиданно заявила Людмила. – Кондрат прав, к коньяку нужны закуски. Сейчас я все организую. У нас есть чудесная ветчина. А вы пока пригласите Василису, в последнее время она так мало бывает дома. – И она побежала в свою комнату.

Матильда пожалала плечами. Странная, если не сказать, из ряда вон выходящая щедрость соседки удивила ее. «Придется поделиться колбасой», – с тоской подумала она и направилась к себе. Проходя мимо комнаты Васиных, мельком увидела, как Людмила посыпает нарезку ветчины какой-то травой. «Обойдутся без специй», – решила она, предполагая насыпать в тарелку с колбасой зеленого горошка.

– Василисы нет, – доложил студент после того, как постучал в ее дверь.

– У нее много дел, – заметил собравшимся Звягинцев, – после смерти старухи она взяла на себя оформление документов, возню с родственниками... – Он потянулся за бутылкой.

– У старухи не было родственников, – напомнил студент.

– Молодой человек, – снисходительно улыбнулся ему Звягинцев, – стоит только кому-то умереть или разбогатеть, откуда ни возмись, они сразу находятся. Сегодня утром звонил какой-то мужчина, представившийся мне господином Воробьевым.

– И кто же это был?! – заинтересовались соседи.

– Он не уточнил, – признался Звягинцев, – но ему непременно хотелось поговорить с Василисой.

– Он поговорил с ней?! – испугался студент. Звягинцев пожал плечами. Кулемин поднес к близоруким глазам свои часы и вытер пот со лба.

– А вот и закуска! – На кухню зашла Людмила с ветчиной.

– И колбаса с горошком!

– И коньяк! – Только бутылка оказалась предварительно открытой.

Никто не придал этому моменту особого значения. Все дружно выпили за известного в определенных кругах писателя Звягинцева, пожелали ему дальнейших успехов, здоровья, личного счастья и богатства. На последнем слове запнулись.

– «Ручные детекторы со сканирующей поверхностью, – Матвей оторвался от чтения и потер глаза. – Для обнаружения металла следует перемещать прибор таким образом, чтобы сканирующая поверхность наиболее плотно охватывала все участки, – он вновь потер глаза, – проверяемого объекта». Слушай, Люся, сколько там времени? Спать хочется.

– Двенадцатый час, – отозвалась жена, – терпи. Давай я дочитаю. – Она вырвала у мужа аннотацию и принялась ее читать вслух. – «Для качественного обнаружения металлов детектор должен постоянно находиться в движении». Помни это, Пусик, когда станешь водить им по стенам.

– Когда же я, наконец, стану водить по стенам?! – зевнул Матвей.

– Потерпи. – Людмила прислушалась к ночной тишине. – Совсем скоро, травка начинает действовать через час. Я надеюсь, ты не ел ветчину?! Я тебя предупреждала!

– Ни в коем разе. – Супруг прикрыл рот ладонью. – Только все равно спать хочется.

Я на разведку, – шепнула ему супруга и, приподняв полы махрового халата, тихо пробралась в коридор.

Соседи спали или делали вид, что спят. Нет, они не могли делать вид, они действительно спали.

Она же насыпала лошадиную дозу сон-травы. Конечно, в жидком варианте трава подействовала бы гораздо быстрее, но выбирать Людмиле не пришлось. Она прокралась на цыпочках к комнате Кошкиных и услышала громкий храп Федора, а вместе с ним гнусное попискивание его жены. Василиса еще не вернулась с работы, белая нитка, предусмотрительно оставленная Людмилой в замочной скважине, осталась на месте. Из комнаты студента не доносилось ни

звука. Писатель, как ей показалось, тоже спал. Он часто работал по ночам, но только не в дни получения гонорара.

Людмила выпрямилась, погладила рукой печать на двери усопшей старушки и отправилась звать супруга. Он, борясь со сном, поджидал ее у дверей, вооруженный металлоискателем и металлической линейкой. Людмила кивнула супругу, и они стали пробираться по темному коридору к заветной двери. Матвей ловко открыл замок линейкой, как делал это не раз, когда старуха забывала ключи, и вошел в комнату первым. Зловещая тишина окутала обоих супругов. Приоткрытые пыльные портьеры, за которыми бывшая революционерка предпочитала прятаться от демократии, колыхнулись от сквозняка. Уходя, участковый с начальницей забыли закрыть форточку. Но супруги Васиных об этом не знали. В довершение к этому заехавшая во двор дома машина попала светом фар на портрет старухи, который вспыхнул ярким пятном на мрачной стене. Матвей увидел, как портрет ему усмехнулся, и вцепился в руку жены.

– Она над нами издевается, – прошептал он Людмиле, – но брильянты точно где-то здесь.

Души мертвецов охраняют свои сокровища. – Не глядя больше на испугавший его портрет, Матвей прошел к стене, граничащей с писательской комнатой, и приложил к ней прибор.

Металлоискатель тут же противно запищал.

– Есть! – обрадованно зашептал он. – Сокровища здесь!

– Здесь металлическая линейка, – зло прошипела Людмила, выхватывая из его руки линейку.

– Ничего нет. – Васин вытер пот со лба и зевнул. – В этой стене ничего нет.

Людмила прикинула, если они потратили на одну стену десять минут, то на остальные придется... Она отбросила расчеты и прислушалась. В коридоре отчетливо слышались чьи-то шаги. Она схватила мужа за руку и потянула к портьерам.

У замка поскребли чем-то металлическим и открыли дверь. В темном проеме появились два размытых силуэта. Один из них обладал такими наглыми выпуклостями в интимных местах, что Людмиле не составило труда догадаться, что обследовать комнату старухи на предмет поиска сокровищ собрались супруги Кошкины. До этого момента благополучно изображавшие из себя глубокоспящих. Они вошли, топая, как два слона, и сразу принялись водить прибором по той стене, где только что работали Васиные.

– Главное, чтобы у писателя ничего не было, – сказала Матильда, подавляя зевок.

– Ничего пока и нет, – отозвался Федор, водивший по стене металлоискателем.

Людмила, подглядывающая за ними, ехидно улыбнулась. Она толкнула сонного супруга в бок, как бы радуясь тому, что их соседи совершенно не знают, как правильно обращаться с прибором, и тыкают им куда попало. Матвей не ответил супруге и притулился к подоконнику.

– Тише! – внезапно всполошилась Матильда. – Там кто-то есть!

– Убью! – сказал Федор и остановился.

Людмила замерла, она подумала, что этот не пойманный пока уголовник вполне способен на мокрое дело. Но Федор сделал шаг в сторону коридора.

– Нет. – Матильда схватила его за руку и потащила под огромную кровать, на которой старая женщина проговорила про бриллианты. Оба слона едва поместились под кроватью.

Дверь заскрипела и приоткрылась. В щели показалась вихрастая голова, от которой всюду несло халявным коньяком. Кулемин на цыпочках пробрался к той же стене и принялся водить по ней прибором, предварительно взятым у писателя.

– Ничего нет, – разочаровался студент после безрезультатных поисков. – Значит, осталась одна стена, потолок и пол! – Он зевнул и присел на любимый диванчик старухи, стоящий возле окна.

– Ха! Ха! – В комнату, покачиваясь, вошел Звягинцев. – Сдулся, курепчик! После димед-рола с коньяком никто никогда долго не стоял на ногах! – Он взмахнул руками, как подбитая птица, и рухнул на пол.

Ничего не подозревающая об истерии, охватившей соседей, Василиса вернулась домой поздно. Она включила в коридоре свет и удивленно уставилась на распахнутую дверь Алевтины Ивановны. Василиса, стараясь не стучать шпильками по паркету, прошла вперед и остановилась, задумавшись, а не вызвать ли ей правоохранительные органы. Если в комнату залез вор, она одна с ним не справится. Но почему одна? Она сейчас же позовет соседей. Не стоит отвлекать милицию по пустякам, к тому же у старой женщины и красть— то нечего. Василиса вооружилась зонтиком и вошла в комнату. Рукой нащупала выключатель и щелкнула им.

Соседей звать не пришлось, они все были в комнате покойной. Матвей мирно спал на подоконнике, его жена, перевалившись через спинку диванчика, во сне обнималась со студентом, пускающим пузыри. Супруги Кошкины предпочли отчего-то провести ночь под старой кроватью. Оттуда доносился жуткий храп этого дуэта. Писатель Звягинцев, которого Василиса боготворила и считала порядочным человеком, и тот оказался в комнате покойницы! Он спал на ковре, обнявшись с металлодетектором, который противно пищал, реагируя на его часы.

Глава 2

Брильянты могут оказаться в одной из комнат!

– Мы собрались сегодня для того, – Звягинцев обвел соседей мутным взглядом, утро выдалось для всех довольно тяжелым, – чтобы обсудить проблему. Каждый из нас, – он глубоко вздохнул, – слышал про брильянты и поверил этой чепухе. Искать их поодиночке не имеет смысла, комната одна, все мы в ней сидим. Я предлагаю начать поиски сию минуту, сейчас и при всех. Если мы что-то найдем, поделим по справедливости.

– Большую часть отдадим Василисе? – поинтересовался Матвей.

– С какой это стати? – возразила Людмила.

– Ну, старуха сказала, что завещала брильянты ей, – угрюмо признался тот.

– Да с чего вы взяли, что у нее есть брильянты?! – удивилась Василиса, откинув со лба непокорную белокурую прядь. – Она была бедной старой женщиной, жила на одну пенсию. А перед смертью бредила наяву.

– Она была старой революционеркой, – поправил Звягинцев. – А от таких можно ожидать чего угодно. К тому же все мы люди не без слабостей. – Он улыбнулся Матильде.

– Я «за», – махнул рукой Федор, – как поделим стены?

– Не забудьте про потолок и пол, – вставил Кулемин, постукивая костяшками пальцев по столу.

– Я предлагаю лотерею! – сказала Матильда.

– Поддерживаю! – схватил ее за руку Звягинцев. – Правильное решение.

Василиса не верила своим глазам. Сначала она несколько не сомневалась, что соседи ее разыгрывают, потом задумалась над тем, не повальная ли это эпидемия черной оспы, о которой она читала в последнем романе об инквизиции. К завершению беседы Василиса догадалась, что это массовый бред с блуждающими галлюцинациями. А с сумасшедшими нужно вести себя тихо и спокойно. Не стоит скандалами и выяснениями отношений портить единственное воскресенье. Хотят искать, пусть ищут, только без нее.

– Стоп! – Звягинцев отпустил Матильду и схватил Василису: – Сидеть! Всем находиться на своих местах! Никто никуда не уходит, пока комната старухи не будет обследована самым тщательным образом. Судя по всему, – он обвел соседей ироничным взглядом, – мою стену уже тщательно проверили. Стена Кошкиных тоже не дала никаких результатов. Начнем с той, которая выходит на улицу.

– Можно не тратить время и на коридорную, – признался студент, опуская глаза.

Звягинцев поморщился (он не ожидал от соседей такого размаха) и взял металлоискатель. Через полчаса тщательных поисков стало ясно, что в стенах ничего нет, кроме кирпичной кладки. Звягинцев отключил прибор и поглядел вверх.

– Интересно, – подумал он вслух, – она могла дотянуться до потолка?

– О чем вы говорите?! – возмутилась Василиса. – Она еле вставала с постели!

– Ну, это в последнее время, – заметила Людмила. – А раньше она была молодой и очень подвижной. – Женщина встала и подошла к пожелтевшей фотографии, на которой была изображена девица в кожаном плаще времен тридцатых годов. – При ближайшем рассмотрении, – заметила она, – Алевтина Ивановна зафиксирована вместе с кобурой. У меня нет никаких сомнений в том, что эта дама принимала участие в расстрелах советских граждан. С таким взглядом, как у девицы на этой фотографии, можно перестрелять полгорода. Представляете, сколько у нее колец и сережек?!

– Куда же она их дела?! – простонала Матильда.

– Признайтесь, Васюня, – обратилась к девушке Людмила, – она рассказывала вам о своей жизни?

Присутствующие замерли и внимательно поглядели на Василису. Та почувствовала себя неуверенно, все дело было в тапочках. Вот если бы Василиса надела шпильки! С ее ростом – метр плюс полкепки – приходилось не вылезать из обуви на высоком каблуке. И в пир, и в мир, и в добрые люди. На этот раз люди были злые, да и она оказалась не на высоте.

Безусловно, Василиса знала старушку лучше всех. Обеих женщин сближали неудавшаяся личная жизнь и сострадание: Василиса жалела старушку потому, что той пришлось многое перенести, старушка жалела Василису за то, что у нее все еще впереди. Сама Василиса очень надеялась на светлое будущее. Ради этого она вырвалась из глубинки, поступила в столичный кулинарный колледж, после его блестящего окончания поступила в институт и несколько лет спустя устроилась на работу в престижное кафе. Крутилась, как белка в колесе, игнорируя личную жизнь, втайне от самой себя ожидая Принца.

Была возможность выскочить замуж за однокурсника-москвича, таким образом разом решив проблему прописки и жилья, но Василиса была целеустремленной, уверенной в своих силах девушкой, не падкой на легкую добычу. Одновременно чуткой и отзывчивой. После смерти стареньких родителей на доставшееся наследство она купила комнату в столице и оказалась соседкой милой старушки, с которой поддерживала чуть ли не родственные отношения.

– Ничего особенного Алевтина Ивановна не рассказывала, – пожалла плечами Василиса, – говорила, что родилась в Москве, прожила здесь всю жизнь, наделала много ошибок, в которых раскаивается, и собирается держать ответ перед Высшим судом, вот и все.

– Не густо, – заметил Звягинцев недовольно.

– Минуточку, – не сдавалась Людмила, – значит, старуха призналась вам, что она всю жизнь прожила в столице? – Василиса кивнула. – А где она жила?

– В этом доме, – ответила та. – До революции ее семье принадлежал весь этаж, потом, когда она вступила в партию и заняла там руководящее место, ей оставили квартиру. После репрессий она оказалась в одной комнате.

– Слышали?! – Людмила торжествующе подняла вверх указательный палец. – Весь этаж!

– Весь этаж?! – Кулемин вытер рукавом рубашки пот со лба.

– Значит, бриллианты могут оказаться в одной из наших комнат?! – обрадовался Матвей и поднялся со стула. – Я пошел искать!

– Ступайте, ступайте все, – проворчал Звягинцев, который прекрасно понял, что весь этаж в этом деле совершенно ни при чем. – Бегите, как тараканы, в поисках лучшей доли!

Если проследить хронологию событий, старуха должна была спрятать бриллианты после начала репрессий, когда ее засунули в одну комнату. Не могла такая воинствующая амазонка спокойно жить, глядя на то, как ее бриллианты прячутся в стене соседей. В любом случае она бы нашла время их перепрятать. Звягинцев поглядел на потолок: деревянные перекрытия, штукатурка, побелка. Спрятать под лагами мешок с драгоценностями для девицы – плевое дело. Нужно идти к соседу сверху.

Кулемин остался один на один с писателем. Ему тоже не хотелось сбрасывать со счетов старухину комнату. Заметив, что писатель увлекся потолком, он принялся разглядывать пол: деревянные перекрытия, хлипкий паркет... Молодой женщине ничего не стоило запрятать драгоценности в пол, после чего бдиль за ними всю оставшуюся жизнь.

– Дерзайте, молодой человек, – перехватил его взгляд Звягинцев и вышел из комнаты.

Кулемин схватился за металлоискатель и принялся за дело.

Супруги Свистуновы ссорились. Они делали это каждое утро, день и вечер по причине, которую обычно указывают в заявлениях о разводе, – несхожесть характеров. Свистуновы были не схожи и внешне. Станислав – низкий, полный, лысоватый мужчина с большими перспекти-

вами собственного бизнеса. Светлана – дородная высокая блондинка не первой молодости, все еще сохраняющая здоровый цвет лица, заливающегося румянцем при виде привлекательных самцов. В принципе это и была основная причина их ссор. Действие очередной раз проходило в ванной комнате, где Светлана набирала джакузи, готовясь расслабиться. Ей мешал Станислав, долго и нудно выясняющий, что за отношения были у его жены со слесарем местного домоуправления в этой самой комнате, куда тот зашел чинить текущий кран.

– Стасик, – ныла Светлана, – ты меня ревнуешь ко всему, что движется! Так же нельзя.

– Стасики бегают у тебя по кухне! – Муж показал волосатый кулак. – Еще раз увижу слесаря в нашей ванной – убью!

– Дорогой, – возмущалась жена, – но должен же кто-то чинить краны.

– Вот именно! – Супруг резанул кулаком воздух. – Чинить, а не щупать коленки моей жены!

– Он не щупал, – попыталась оправдаться та, – он за них держался, чтобы ему было удобно.

– Нет! Каков наглец! – полыхал яростью муж. – И для этого он оголил торс!

– Он боялся испачкаться.

– А меня он не боялся?!

– Ты должен был быть на совещании, дорогой.

– Да, – скривился Свистунов, – должен был быть. И сейчас я снова на него отправляюсь.

Но если я случайно вернусь и найду здесь, – он указал на ванную, – еще кого-то, кроме тебя, убью обоих!

Кулак снова ударил воздух и исчез из поля зрения Светланы вместе с мужем. Она вздохнула, покачала головой и кокетливо, как привыкла это делать, сбросила с себя бархатный халатик. Забравшись в джакузи, молодая женщина блаженно потянулась, взяла с полки наушники, нацепила их себе на голову и включила магнитола. Подрагивая ногами и руками в такт музыки, закрыла глаза и начала громко подпевать.

Кулемин остановился, снял майку и попытался отдышаться. Сердце захлебывалось от восторга – прибор пищал. Тонко и тихо, но пищал – в одном и том же месте. Место было что ни на есть самым подходящим для потаенногоклада – в углу комнаты. Кулемин прикинул: он сам бы спрятал клад именно там. Быстро сбегал к приятелю за ломом и принялся действовать. Паркет отлетел практически мгновенно, после чего звук стал сильнее. Пол обнажил деревянные лаги, прибор завопил так, что студент испугался, что его услышат соседи. Но те были заняты своими потолками и стенами, и все обошлось. Кондрат заглянул в образовавшуюся дыру, из которой выудил почти куб гнилого строительного материала, и ощупал рукой то, что ему мешало двигаться дальше. «Гипсокартон, – решил он, – не более того. Старуха хотела изолировать сокровище от эхолота». Кулемин осторожно опустился в дыру и со всей силы топнул ногами по гипсокартону. Послышался треск гипсокартона и шум падающего этажом ниже тела.

– Дорогая, – Свистунов распахнул дверь ванной комнаты, – я совсем забыл тебя поцеловать! Пупсик! – Он замер на полуслове, зеленея на глазах перепуганной жены. – Сними дебилники, дура! Я с тобой разговариваю! Кто этот негодяй?! – Его толстый короткий палец уперся в нырнувшего в джакузи студента. – Не успел я подойти к машине, ты уже затащила в дом любовника?! Или он тоже пришел для того, чтобы починить краны, и для удобства залег с тобой в ванну?!

– Он не пришел, – дрожа, ответила супруга. – он свалился.

Кулемин, чувствуя, что попал в переделку, нырнул поглубже, но с непривычки ему не хватило воздуха, и он вынырнул обратно.

– А! – продолжал вопить Свистунов, рассматривая хилую, с редкой растительностью грудь студента, – он и разделся для удобства!

– А как вы думали?! – Кулемин решил отчаянно сопротивляться, полагая, что молчать в подобной ситуации просто неприлично. – От меня потребовалась такая самоотдача, что стало жарко. Когда тратишь столько энергии для достижения желаемого результата...

– Убью! – Глаза Свистунова налились кровью, он сжал кулаки и попер на мокрого студента.

Кулемин поднял честные очи к потолку, надеясь на высший разум, и тот его не подвел.

– Люстра! – догадался студент. – Она пищала!

Тяжелый бронзовый светильник ответил ему предупредительным скрипом.

– Убью обоих! Но сначала – его! – Свистунов навис над студентом и протянул толстые руки к шее Кулемина.

Но внезапно его хватка ослабела, и он ничком упал на холодный мраморный пол. Вместе с ним на пол свалился светильник. Светлана завизжала. Пока она вызывала «скорую помощь», следом за которой приехала милиция, и рыдала над раненым супругом, Кулемин сбегал наверх и попытался скрыть следы взлома.

Светлана сидела, набросив на голое тело бархатный халатик, и из последних сил выжимала из себя слезы по внезапно изувеченному супругу. Сотрудники, прибывшие на место преступления, тупо смотрели в раскуроченный потолок.

– Вы были одна, когда это произошло? – поинтересовался сержант.

– Нет, – ответила она, вздыхая, – я была с ним. – И она указала в сторону двери, из которой санитары выносили носилки со Свистуновым.

– Я тоже был с ними, – честно признался Кулемин, который не желал выставить себя перед богатой привлекательной дамой в трусливом виде.

– Да? – заинтересовался сержант. – И что же вы делали?

– Он чинил кран! – заступилась за студента дама.

– Вы, гражданин Кондратий Кулемин, студент, – попытался докопаться до истины сержант.

– Он, – гордо сообщила та, – на все руки мастер.

– Да, я такой, – поглядел на нее с обожанием студент и покраснел.

Истина оказалась рядом, прямо на поверхности. Дело после того, как приехал адвокат Светланы Свистуновой, запахло суицидом. Получалось, что господин Свистунов решил свести счеты с жизнью таким странным на первый взгляд образом. Он подставил лысеющую голову под падающий бронзовый светильник. В тот момент, когда падал светильник, пришел Кондратий, и Свистунов чуть не отбросил копыта, находясь в здравом уме и светлой памяти. Адвокат потребовал, чтобы последние слова обязательно запротоколировали, дабы завещание супруга в пользу вдовы, в случае его скоростижной смерти, смогло иметь полную силу. Такой поворот дела устраивал всех, особенно Свистунову, но она старалась не подавать виду. Кулемин, проводив правоохранительные органы и адвоката, остался утешать даму.

– Они не поверят и начнут тебя преследовать, – сказала она, трепля вихрастую голову нового поклонника.

– Кто они? – не понял студент.

– Головорезы Свистунова, – призналась Светлана. – Я попытаюсь от них откупиться, но они такие жлобы! – после этих слов утешать пришлось Кулемина.

Звягинцев давил на кнопку звонка с энтузиазмом, присущим начинающим кладоискателям. Дверь распахнулась неожиданно, без всяких проволочек, на пороге показался небритый мужик с помятым лицом.

– Чего надо? – Он дышал перегаром на писателя и подтянул растянутые треники.

– Добрый день. – Звягинцев, несмотря ни на что, решил быть вежливым. – Я ваш сосед снизу...

– Из коммунальной? – хмуро поинтересовался мужик.

Писатель кивнул.

– Проходи, – сказал тот и пропустил Звягинцева в апартаменты.

– Вы, простите, хозяин этой жилплощади? – растерялся писатель, оглядывая богатую обстановку.

– Прощаю, – охотно согласился мужик и внес ясность, – я ихний тесть. Караюлю недвижимость, пока дочка с зятем поджаривают на южном солнце свои жирные окорока.

– Александр Сергеевич, очень приятно, – представился писатель.

– Пушкин? – Мужик прошел на просторную кухню, соединенную со столовой.

– Отчего же сразу Пушкин? – пожал плечами Звягинцев, разглядывая евроремонт. Вот что, оказывается, можно сделать из их коммунальной квартиры! Вот, оказывается, как можно жить. Вот как жить нужно. Он должен сделать все, чтобы найти старухины драгоценности.

– Вован. – Мужик протянул жилистую руку.

– А по батюшке? – Звягинцев ощутил крепкое рукопожатие.

– Если хочешь, зови Степанычем, – сказал тот, наливая в хрустальный фужер водки из уже ополовиненной бутылки.

– Что вы, Вован Степанович, – отмахнулся Звягинцев, – я же не за этим.

– Пей, Пушкин, – сказал Вован, – чтобы мы были в одной весовой категории. Или мотай отсюда.

– За ваше, Вован Петрович, здоровье. – Звягинцев понял, что для дела ему придется пойти на уступки, и выпил.

– Степанович, – поправил его Вован и налил еще.

– Может, – робко поинтересовался Звягинцев, – есть чем закусить?

Вован презрительно хмыкнул и достал из огромного холодильника заплесневелый черный хлеб.

– Благодарю, – прослезился Звягинцев, которому стало себя жалко, и снова выпил.

Следующая порция алкоголя прошла без сучка и задоринки. Звягинцев уже не требовал закуску, а обнимался с новым знакомым и признавался в том, что собирается искать клад в его квартире. Степанович обрадовался такому продолжению «банкета», одному сидеть в четырех стенах и пить водку было скучно. Звягинцев, получив согласие почти что владельца квартиры, бросился вниз за металлодетектором.

В дверях он столкнулся с Василисой, которая собиралась прогуляться. Она любила гулять перед сном, но сегодня решила пройтись раньше. В близлежащих магазинах начинались сезонные распродажи, что предоставляло шикарную возможность купить приличную обувь со значительной скидкой. Сокровища сокровищами, а распродажи бывают всего два-три раза в году.

Василису испугал нетрезвый вид писателя, но бояться следовало Федору. Звягинцев ворвался к нему в комнату на самом интересном месте – супруги Кошкины разбирали общую стену. Чуть не слетевшая с петель дверь ударила по спине Федора Кошкина, и он уронил себе на ногу кирпич. Вопль краснокожих был хилым вскриком по сравнению с тем, как заорал Федор, прыгая на одной ноге. Звягинцев не обратил на него никакого внимания, подбежал к дивану и схватил брошенный прибор. Матильда проводила Звягинцева унылым взглядом и пошла в общий коридор вызывать мужу скорую помощь.

Волосатая нога Кошкина раздулась и стала похожа на лапу. Матильда обрадовалась, когда конечность обмазали мазями и забинтовали, скрыв весь ужас, в который нога превратилась после массажа кирпичом. Федору сделали обезболивающий укол, но он лежал на диване возле полуразобранной стены и стонал. Изредка, поглядывая в проделанную им дыру, морщил лоб и ненадолго задумывался. Тогда стоны прекращались, и Матильда прислушивалась, стараясь уловить движение его мозговых извилин.

– У старухи было высшее техническое образование, – рассуждал вслух ушибленный супруг. – Она как-то мне создалась, что одно время преподавала в строительном институте. Дурой она не была...

– Хоть о покойниках и не говорят плохо, но я скажу, – возмутилась Матильда. – Она была скрягой! Настоящей скрягой! Последний раз, когда я брала у нее кастрюлю, чтобы сварить твой любимый борщ, и забыла про него, ну, дело не в этом. Так вот, она вспоминала мне свою кастрюлю при каждом неудобном случае! Старая дура!

– При чем здесь кастрюля?! – отмахнулся Федор. Я о другом.

– В другом она тоже показала себя не с лучшей стороны, – все больше распалялась жена. – Однажды, когда мы с писателем случайно закрылись в... ну, не важно где, она такого мне наговорила! Старая дура!

– Дурой она не была, – упрямо сказал Кошкин. – Оттого мы ничего не находим.

– Ах, вот ты о чем, – догадалась Матильда.

– Да уж не о том, о чем постоянно думаешь ты, – укорил ее Федор. Я о хлебе нашем насущном – о брильянтах. Старуха Воробьева не просто спрятала их, она попыталась их изолировать от металлоискателей. – Он с тоской поглядел на стену. – Если разбирать по сотне кирпичей в день, со стенами дома мы справимся к осени. Это в лучшем случае.

– А в худшем? – испугалась Матильда, которой не хотелось разбирать по кирпичику весь дом.

– В худшем Васины разберут стены быстрее.

Он слишком хорошо думал о своих конкурентах. Супруги Васины все еще мыкались с металлодетектором. Когда руки Матвея онемели от нечеловеческих усилий, прибор зазвенел. Людмила, гадающая на картах Таро, которые предсказывали денежные поступления и материальное изобилие, встрепелась. Она не успела сказать и пару слов для того, чтобы предостеречь мужа от удара. Матвей, обрадованный тем, что он что-то нашел, засунул пальцы в отверстие, возле которого прибор звенел. Отверстием оказалась электрическая розетка. Матвей понял это, когда волосы на его голове встали дыбом, а тело сотрясла мелкая дрожь. Розетка считалась нерабочей и была наглухо заклеена обоями в мелкий цветочек. Людмила не растерялась, выбежала в коридор к счетчику и отключила электричество. Побледневший супруг со вздыбленными волосами и выпученными глазами внезапно заявил, что видит Алевтину Ивановну, которая грозит ему пальцем и трясет бриллиантами.

Вечером того же дня в коммунальную квартиру пришел агент по недвижимости Евгений Хлестаков, он представлял «ККК» – «Корпорацию коммунальных квартир» – и занимался подбором жилья для соседей. Несмотря на свою анекдотичную благодаря великому русскому писателю фамилию, держался Евгений серьезно и солидно... Насколько мог...

– Приятного всем вечера, – пожелал он Василисе, открывшей ему входную дверь.

Она обернулась в поисках этих всех, но никого не нашла. Однако позволила гостю пройти на кухню и разложить на общем столе ворох бумаг, после чего отправилась звать остальных жильцов.

– У вас что, – не смог удержать серьезного настроя Хлестаков, – сегодня трясло?

В чем-то он был прав. Соседи представляли довольно жалкое зрелище. Писатель Звягинцев, опорожнивший с новым приятелем несколько бутылок водки, качался и держался за косяк. Федор Кошкин, усевшийся на табурет, болтал перебинтованной ногой. Студент Кулемин тряс головой, испачканной побелкой, которую он так и не успел смыть, утешая вдову. На Матвея лучше было бы не смотреть вовсе. Выпученные глаза и блуждающий по кухне взгляд вместе с ирокезом на голове пугал окружающих.

– Она! Она! – вскрикивал временами Матвей, указывая на стены. – Ругается, старая стерва!

В такой тяжелой обстановке агент по недвижимости начал озвучивать предложения. Их было немного, – на каждую комнату по отдельной квартире. Тем, у кого был недостаточный метраж, светило дальнее Подмосковье, другим повезло больше – «ККК» предлагало отдельную однокомнатную жилплощадь в Ближних Чугунцах. Услышав про Ближние Чугунцы, писатель Звягинцев наотрез отказался переезжать куда бы то ни было, заявив, что предпочитает пить, тьфу, жить там, где сейчас находится. Матильда вслед за писателем тоже отказалась ехать с калекой в дальнее Подмосковье, ее поддержала Людмила, которую также в свете последних событий не устраивал предлагаемый вариант. Даже студент Кулемин, в принципе не имеющий права голоса потому, что комнату он снимал, стукнул кулаком по столу и объявил, что уезжать от будущей вдовы считает преступлением. После «преступления» он заикнулся, после чего замолчал. Интересы соседей благоразумно сформулировала Василиса.

– Нельзя ли, – поинтересовалась она, – получить квартиры в столице?

– Нельзя, – вздохнул Хлестаков. – Нужна доплата, а с ней – хоть в самом центре.

– А если доплата будет? – блеснула глазами Людмила.

– Доплата нужна хорошая. – Хлестаков сделал акцент на последнем слове.

– Ха! – сказал Звягинцев и оторвал косяк, вместе с которым свалился на пол.

– Думаю, – загадочно обвела хитрыми глазами соседей Людмила, – у нас будет хорошая доплата.

– Да! – заявил ирокез. – Мы найдем старухин клад и заплатим.

Он тут же взвыл. Людмила наступила ему на ногу.

– Клад?! – сразу же заинтересовался Хлестаков. – Какой клад? Какой старухи?

– Той! – закричал Матвей, тыча пальцем в противоположную от агента стену. – Которая там сидит и грозит пальцем!

Хлестаков обернулся и уперся взглядом в тряпичную бабу, мирно восседающую на чайнике.

– Мужчина только что из дурдома, – пояснила Людмила, оттесняя супруга к выходу.

– А, – протянул агент, – тогда понятно. Специально для него есть вариант в деревне Дурыкино.

– Ищите другие варианты, – прошипела Людмила, – доплата будет.

– Ха! – махнул оторванным косяком валяющийся Звягинцев. – Я никуда не перееду! Ик... Ик... И к тому же не дам другим!

– Не горячитесь, голубчик, – закрывая папку, посоветовал Хлестаков. – Мало ли что.

– Он назвал меня голубцом! – закричал писатель. – Он мне угрожает!

Евгений Хлестаков перешагнул через буйствующего жильца и покинул помещение, пообещав обязательно вернуться.

– Будем ждать, – процедила Людмила сквозь зубы и вернулась к себе в комнату. Внезапно ей в голову пришла здравая мысль, и она принялась искать свой сотовый телефон. Звонить туда, куда она собиралась, по общему телефону было слишком рискованно. – Доплата будет, будет, – повторяла она, разглядывая рекламную газету с объявлениями. – Теперь уже точно!

Она закрыла дверь на ключ, чтобы пришедший, как обычно, не вовремя Матвей не выболтал очередную тайну, и набрала номер.

– «Воробьев и компания»? – поинтересовалась Людмила после того, как услышала хриплое «Алле». – Вы мне нужны.

Евгений Хлестаков вышел из дома, подошел к своей иномарке и задумчиво пнул ногой колесо. Странная квартира с не менее странными жильцами продолжала преподносить сюрпризы.

Мало того что одна несговорчивая старуха так вовремя ушла из жизни, появились какие-то слухи о кладе.

Глава 3

Они все-таки существуют...

Василиса улыбалась взбалмошной девице со вздернутым вверх аккуратным носиком и молча кивала, пододвигая той вазочку с конфетами «Москвичка». Да, она согласна, что пятница – самый лучший день для торжественной регистрации брака. Да, она согласна, что их кафе в пятницу – наилучшее место для проведения торжества. Конечно, не стоит приглашать много родственников, зал не такой уж большой...

– Да нет, отчего же, – попыталась возразить Василиса, привыкшая к тому, что клиент всегда прав, но и она не так уж бесправна. – Зал не такой уж маленький.

– Твоих тупых родственников из Маслякова, – заявила невеста жениху, – мы не позовем.

– Из Подсолнечной, – поправил ее тот.

– Хоть из Поднебесной, – отмахнулась невеста и внезапно ее симпатичное личико озарила догадка. – Милый, а у тебя в Японии никого нет? Как было бы хорошо позвать на наш праздник гейшу!

Добродушный по виду парень задумался.

– Нет, – разочаровал он невесту, – в Японии никого нет. Вот на Украине...

– Жаль, – томно произнесла девица, – как здорово бы получилось: вносят свадебный торт, а из него неожиданно выпрыгивает гейша!

– Здорово, – автоматически поддакнула Василиса.

– Вы думаете? – посерьезнела девица. – А не смогли бы вы выпрыгнуть из торта в наряде гейши?

– Да, – обрадовался парень, – прыгните, мы заплатим.

Василиса откинулась на спинку стула. Если раньше ей и предлагали всякое, то такое – никогда. Она покачала головой. Только этого не хватало! Что там носят гейши? Многометровые кимоно? Кимоно в такую жару?

– Ты только погляди, – девица ткнула в Василису, – она – вылитая гейша. Только ее нужно перекрасить в черный цвет и сделать пластику на глаза, а то они у нее слишком большие.

– Пластика тоже за ваш счет? – еле сдерживала себя администратор зала.

– Да, – вздохнул парень, – это уже дорого.

– Ты всегда на мне экономишь! – возмутилась девица.

– Отчего же? – улыбнулась Василиса. – Он экономит не на вас, а на гейше. Впрочем, как желаете. Могу вам напомнить, что в Европе до сих пор держится мода на скромные торжества. Прыжки у них не приветствуются.

– А что там сейчас приветствуется? – заинтересовалась невеста.

– Изысканный стол, – подсказала Василиса и сунула будущим молодоженам меню.

Пока те изучали меню, она огляделась в поисках официантки. Одной ей бы не справиться: к соседнему столику уже подходила следующая пара, а Василиса все еще задерживалась с первой. Василиса пригляделась к новой паре и похолодела. Под руку со смазливой девицей яркой наружности шел... Принц. Высокий, стройный, привлекательный брюнет с пронзительными карими глазами. Он смотрел на нее, только на нее, и улыбался такой улыбкой, за которую можно было отдать полжизни и все царство. Василиса опешила и... поздоровалась.

– Доброе утро, – сказала она Принцу и его замарашке, – присаживайтесь, пожалуйста, я сейчас к вам подойду.

– А как же мы с гейшей? – недовольно надула губки взбалмошная девица, по всей видимости представляя в образе гейши своего будущего супруга.

– Вам поможет подобрать блюда официант, – успокоила ее Василиса. – Только помните, в Европе ценится изысканная простота.

Девушка закивала и углубилась в рассуждения: станет ли изысканной простотой жаренный в трюфелях молочный поросенок, или можно ограничиться свиными отбивными?

– Я вас слушаю. – Василиса на ватных ногах пересела за соседний столик и постаралась не смотреть на него.

– Мы пришли обсудить свадебное меню, – сказал Принц.

– Да, мы пришли, – безразлично подтвердила замарашка, вытаскивая из кармана рваных джинсов пилочку для ногтей.

– Отлично, – грустно сказала она, – как хорошо, что выбрали именно наше кафе.

После этого он еще что-то говорил, Василиса кивала ему в ответ, девушка пилила ногти и повторяла, как попугай, его слова. «Вот на таких они женятся. Везет же некоторым», – с тоской подумала Василиса, глядя на девушку.

– Конечно, конечно, как скажете. Мы сейчас обсудим программу вашего вечера и посоветуем вам лучшие блюда, которые у нас готовят настоящие профессионалы. Что предпочитает невеста? Фрукты с легкими закусками? А жених?

– Кто его знает, – буркнула замарашка, – этого придурка. Жрет все тазиками.

Василиса онемела от ужаса и закрыла глаза. Бедный Принц, как она его презирает?! Тот усмехнулся и поинтересовался вместительностью зала.

– Мы предлагаем нашим клиентам в этот особенный день необычный торт, – сказала Василиса.

– Ага! – встряла девушка с соседнего столика. – Они предлагают торт, откуда выпрыгивает гейша!

– Да ты что?! – Замарашка перестала пилить ногти. – А кто она, эта гейша?

– Администратор зала, – ответила ей безмозглая девушка и указала на Василису.

– Вы выпрыгиваете из торта?! – изумился Принц. – Очень интересный факт.

В другой ситуации Василиса убила бы взбалмошную девушку. Но сегодня она решила промолчать. Ее спасло то, что вовремя подросла официантка, на которую переключилась первая пара.

– Значит, вы предлагаете своим клиентам все, о чем они попросят? – нагло поинтересовался брюнет, сверкая пронзительными глазами, в упор разглядывая Василису.

– В пределах разумного, – выдавила она из себя ответ на его откровенный интерес.

– А если я и разумное – две разные вещи? – продолжал заигрывать с Василисой не ее Принц.

– А ты здесь вообще ни при чем, – заявила замарашка и спрятала пилочку в карман. – Моему придурку запишите два ящика безалкогольного пива.

– Молодость, – обнял замарашку брюнет и обратился к Василисе: – Давайте знакомиться, а то как-то неудобно звать вас гейшей. Я Руслан.

– Людмила, – растерялась та, – ой, Васи, Василиса.

– Вася? – обрадовалась замарашка. – Моего перца зовут Васей! А я Тотоша.

– Василиса. – Брюнет оставил в покое замарашку и нагнулся к Василисе. – Понимаете, моя сестренка выходит замуж, все нужно сделать по высшему разряду.

– Кто? Кто выходит замуж? – не поверила своей удаче Василиса.

Я, буркнула замарашка, накидывая одну рваную джинсину на другую. – А что, нельзя? Рано?

– В таком деле лучше рано, чем никогда, – вздохнула она.

Остаток дня Василиса почти летала на высоченных каблуках. Если бы вокруг не было нежелательных свидетелей, она бы точно воспарила к небесам, звонко там рассмеялась и показала народу фигу. Нет, она бы послала всем воздушный поцелуй, который оправдал бы свое

название. Пусть все люди будут счастливы так же, как и она. Сегодня она встретила Его! И Он обратил на нее внимание, назначил ей свидание, оставил номер своего мобильного телефона. Точно, сегодня на небесах о Василисе наконец-то вспомнили. Наверняка это добрая Алевтина Ивановна рассказала ангелам грустную историю жизни двадцативосьмилетней бесприданницы. И те, сжалившись, послали ей Принца, о котором она грезилась во сне. Принц увидел ее и заинтересовался, он признался, что у него закололо сердце и защемило в груди. Неужели сегодня вечером они встретятся и он признается ей в любви?! Не так скоро, не так скоро, останавливала себя Василиса. Но хотелось, чтобы это случилось непременно! Ради него она согласилась бы в образе гейши выпрыгнуть из свадебного торта, только при условии, что свадьба будет не его.

– Василиса, – к действительности ее вернул телефонный звонок, – пришел участковый. Нам пришлось писать объяснение, по какой причине оказались сорваны печать и бумага с двери Воробьевой. Может, дорогая вы наша, тоже черканете пару строк во всеобщее оправдание. – Звягинцев поморщился. – Честное слово, о том, что случилось накануне, я плохо помню. Конечно, желательно, чтобы все показания были одинаковыми, тогда нам поверят.

– А что вы написали? – поинтересовалась Василиса, на мгновение перестав мечтать о Руслане.

– Что, что, – недовольно отозвался Звягинцев, – что перепутал впотьмах двери.

– А что написали остальные?

– То же самое, голубушка, то же самое. Все разом пошли ночью в туалет и перепутали.

– Хорошо, Александр Сергеевич, – улыбнулась Василиса, душа которой при этом пела, – я тоже напишу, что пошла и перепутала.

– Не подумают ли правоохранительные органы, что это заговор? – засомневался писатель. – С них станется. Решат, что мы сговорились все перепутать. Голубушка, напишите лучше, что вы целенаправленно шли в комнату старухи. За документами, которые забыли, или еще за чем-то. Кстати, дорогая моя, а что вы забрали из ее комнаты? Говорят, вы тащили оттуда целый сундук с добром.

– С чего они взяли?! – возмутилась Василиса. – Я взяла только ее документы и альбом с фотографиями.

– А вы проверяли, между снимков она не спрятала бриллианты? – не унимался Звягинцев.

– Проверяла, – соврала Василиса, которой хотелось думать совершенно о другом. – Ничего там нет. Как и в комнате. Как и во всей квартире.

– Не волнуйтесь, голубушка, – сказал Звягинцев, – все вам верят. Только не говорите сержанту, что я вас предупредил. А то получится сговор с корыстной целью, а у них там за это полагается какая-то статья. Ну, до вечера, дорогая, до вечера.

Василиса поняла, что соседи в поисках сокровищ не оставят в покое ни ее саму, ни ее личную жизнь. Сердце сжалось в предчувствии чего-то нехорошего.

И оно случилось, как только Василиса пришла с работы домой. Дверь коммунальной квартиры оказалась открытой, соседи часто забывали ее закрывать на ключ, закрывался сам подъезд. В коридоре витал запах незнакомых духов. И на кухне. Он, этот запах, был повсюду, создавалось такое впечатление, что женщина, решив использовать свой последний шанс, вылила на себя весь пузырек с ароматной водой. Василиса непроизвольно поморщилась, и с таким перекошенным лицом встретила Звягинцева.

– Не нужно принюхиваться, голубушка, – обиделся он, – да, ко мне приходила дама. Вполне приличная дама, моя хорошая знакомая. Нас с ней связывают чисто платонические отношения...

– Мне все равно, Александр Сергеевич, что вас с ней связывает, – не поняла Василиса, к чему он клонит. – Я совсем не против дам, ко мне тоже иногда заходят молодые люди.

– Неужели?! – искренне удивился писатель, никогда никого из гостей Василисы не видевший.

– А что, – расстроилась Василиса, – по-ва– шему, я не достойна мужского внимания?!

– Что вы, что вы, – сразу поспешил согласиться с ней Звягинцев, – еще как достойны. Я видел их, этих молодых людей, они вились за вами бесконечным хвостом!

Василиса не стала больше поддерживать разговор в общем коридоре, ей пришлось потесниться: с работы прибежал Матвей.

– Что случилось?! – закричал он с порога. – Почему она не отвечает на мои эсэмэски?

– Кто она? Людмила? – предположил Звягинцев. – Но она же уходила вместе с вами на работу.

– Она вернулась раньше, – пояснил Матвей и толкнул дверь в свою комнату. – Стерва! – закричал он. – Что ты наделала?!

– А что она наделала? Что? – заинтересовался Звягинцев, подбежавший к нему. – О-го-го!

– Что там еще такое? – вздохнула Василиса и следом за мужчинами зашла к Васиным.

Она не сразу поняла, что случилось. Казалось, лежавшая на диване в спокойной позе Людмила мирно спит, только при этом не дышит. Совсем. Одна рука, безжизненно свесившаяся с благополучного дивана, упиралась в опрокинутую чашку, из которой на красный ковер вылилась зеленая мутная жидкость. Василиса стояла и молча наблюдала за тем, как Матвей трясет полуживую супругу, посылая проклятия в сторону окна, где, по его версии, находилась покойная Алевтина Ивановна, а Звягинцев бежит звать скорую помощь и всех соседей. Вечер был окончательно испорчен. Она достала мобильный телефон и набрала номер Руслана. Сразу же, как будто он ждал ее звонка, послышался бархатный баритон.

– Сегодня мы не сможем встретиться, – глотая слезы, сказала Василиса, – у меня соседка чуть не отравилась. – Сейчас он скажет, что это не судьба, и поминай Принца, как его там звали.

– Это ты, прекрасная гейша? – ответил Руслан. – Как я рад, что ты позвонила. Конечно, отравление соседки большая беда, но постарайся не переживать и быть в форме. В любом случае я заеду завтра в твоё кафе пообедать, и мы спокойно договоримся о нашей встрече.

Справедливость на свете была! Только не в отношении Людмилы Васиной, хотя кто знает, что с ней случилось. Матвей категорически не верил, что его жена собиралась наложить на себя руки посредством зелья. Они хотели долго жить вместе до одной гробовой доски, строили планы на будущее, искали драгоценности старухи. Прибывший наряд милиции, а после него следователи и еще какие-то люди так не считали. Попытка самоубийства была налицо. Людмила налила себе в чашку отравы, легла на диван и выпила ее. Конечно, больше для проформы, но все-таки сняли показания со всех соседей. Буйствующего Матвея обкололи успокоительным, и он тихо бредил в уголке, выслушивая версии проживающих рядом с ним людей. У следствия версия была одна.

– Дверь, – вспомнила Василиса, – дверь сегодня была открыта. Я вернулась с работы, а дверь открыта.

– Ну и что? – сказал Кулемин. – Ко мне сегодня приходили ребята из группы, к Матильде приходила подруга...

– Да, – подтвердила Матильда, – она только что с курорта. У нее такой обалденный загар! А что? Я ничего. Я просто хотела сказать, что к студенту приходили жуткие личности. Но среди них был один симпатяжка, Костик, кажется.

Выслушивать Матильду не стали, ее заставили замолчать.

– К Звягинцеву тоже приходила дама, – продолжил Кулемин, по всей видимости в очередной раз прогулявший лекции. – Чего дверь-то закрывать? Народ движется, как очередь в мавзолей.

– Да, – с пафосом сказал писатель, – ко мне приходила очень даже приличная дама! К некоторым тоже ходят, – он посмотрел на Василису, – целыми табунами. Попрошу отметить в протоколе, что к Василисе Васильковой ходят табуны, она сама мне сегодня в этом призналась!

– Что?! – опешила Василиса, не в силах больше вымолвить ни слова оправдания в ответ на такую откровенную ложь. – Да ко мне никто не ходит!

– Я подтверждаю, – кивнула хорошенькой головой Матильда, – к ней не ходят. Если бы пришли, они обратили бы внимание на более привлекательную женщину. А Василиса у нас – старая дева, рабочая лошадка и как еще там называются девушки ее положения?

– Нет у меня никакого положения! – возмутилась Василиса, стойко выдерживая внимательный взгляд следователя.

– Конечно, – ехидно улыбнулась Матильда, – не ветром же надует. Даже положения нет. Ее снова заставили замолчать.

После длительных разбирательств пришли к выводу, что зайти в квартиру мог каждый, кто захотел бы это сделать. Пройти на кухню, подлить одну гадость в другую гадость тоже мог любой. Следователь заинтересованно выслушал всех соседей и, хотя Василиса несколько не сомневалась, что в его голове заварилась хорошая каша, пообещал поговорить с каждым в отдельности.

Эта ночь была беспокойной для Матвея, ему стало гораздо хуже. Алевтина Ивановна виделась на каждом шагу. После того как он заявил, что она вселилась в Матильду, и принялся ее душить, его изолировали от общества. Через какое-то время явились два дюжих медбрата и увезли его в полуночный туман.

– Очень неплохо, очень неплохо, – приговаривал Звягинцев, заваривая кофе. – Одним конкурентом на старухино наследство стало меньше.

– Двумя, – добавил следивший за писательскими священнодействиями у плиты Кулемин и загнул пальцы на своей руке.

– Вы это о чем?! – взвизгнула Матильда, потирая шею. – На что это вы намекаете?! Уж не по вашему ли указанию меня душил полоумный Васин?

– Молчи, Дездемона, – сказал Федор, – они правы. Двумя конкурентами стало меньше. Естественно, никто не обвиняет друг друга, все мы соседи и пойти на убийство не смогли бы. – Он усмехнулся: – Знаем друг друга как облупленные, да и кишка тонка.

– Почему же? – не согласился с ним Звягинцев. – В моем последнем романе главный герой пронзает свою неверную любовницу кинжалом. Когда я это писал, чувствовал, как вонзается холодный клинок в ее разгоряченное развратом тело.

– Какую дрянь вы пишете, – передернула плечами Матильда, – ни за что не стану покупать ваши книги и читать подобные опусы.

– Читать?! – Звягинцев вскинул вверх одну бровь. – А буквы-то вы, Мотя, знаете?

Кулемин тут же попытался по примеру Звягинцева вскинуть бровь вверх. У него не получилось, только пучились глаза, норовя одарить своего владельца косоглазием.

– А ты чего рожи корчишь?! – возмутилась Матильда, зыркнув на студента. – На, ешь! – И сунула ему в рот пельмень.

Кулемин пожевал его со вкусом, проглотил, но после этого все-таки высказался:

– Народу рот пельменями не закроешь! Все ясно, дело темное. Только Матильда могла отравить Людмилу, она целый день просидела дома.

– Неправда, я сходила в магазин за полуфабрикатами, – призналась та.

– Вот-вот, – открывая рот в ожидании следующей порции, сказал Кулемин. – Снова набрала просроченной дряни и случайно, заметьте, я не оговорился, совершенно случайно, заболтавшись с приятельницей и Костиком, уронила ее в кастрюлю к Васиным.

Пельмень гордо проплыл мимо его рта.

– Кстати, – попытался реабилитироваться студент, – Костик от вас, Матильда, в восторге.

– Но-но! – Федор показал огромный кулак, но очередной пельмень все же попал в голодный, истощенный непомерными занятиями организм студента.

– Никого я не травила, – заявила она. – Людмила сама решила уйти из жизни. Да разве то, что у нее было, называется жизнь? Существование, да и то кое-какое. Не нужно было разбивать чужую семью. Матвей, говорят, до самого последнего момента к дочке бегал.

– Слушайте, – высказал очередное предположение студент, – а может, она брильянты нашла?! И ее попытались убить ради того, чтобы ими завладеть?

– Брильянты?! – ужаснулась Василиса и достала из кармана кольцо, которое снял с пальца покойницы Матвей и сунул ей в руку. Она положила кольцо на стол, и присутствующие замерли.

– Старинное, – процедил Звягинцев, – брильянт чистой воды, французская огранка...

– Они существуют, – изумилась Василиса, боясь прикоснуться к улике.

– Я бы уточнил, существовали, – задумался Звягинцев.

– Это что же получается?! – рассвирепел Федор. – Людмила нашла брильянты раньше нас? И ее решили из-за них убить? А Матвей для того, чтобы спрятать улику, притворился сумасшедшим?

– Ничего он не притворялся. – Матильда потеряла шею. – Душил этот ненормальный меня по-настоящему.

– Вот и хорошо. – Воспользовавшись всеобщим замешательством, студент схватил вилку и принялся пожирать пельмени Кошкиных.

– Ничего хорошего, – не согласился с ним Звягинцев и налил кофе в чашку. – Теперь придется искать тех, кто убил Людмилу. – Он развел руками. – Чему вы удивляетесь? Нужно найти наши брильянты! Справедливость прежде всего. С какой это стати мы должны делать неизвестным людям такие бесценные подарки?!

– Я заказал наложным платежом телевизор, – вздохнул Федор. – Зачем он мне теперь?

– Телевизор? – искренне удивился Звягинцев. – Друг мой, что вы собирались с ним делать?

– Искать сокровища, – признался Федор, – но теперь, видимо, искать нечего.

– Ну, дорогой наш, с телевизором вы явно поспешили. А искать как раз есть чего. Завтра же и начнем. Кондратий, составишь поминутный список всех входивших в нашу дверь с того момента, как Людмила вернулась с работы...

– Преступник мог зайти раньше и подлить отраву, пока ее не было дома, – напомнила Василиса, которой больше нравилось думать о преступниках, чем о сокровищах. С ними, как она догадывалась, было связано меньше неприятностей и бед, чем с последними.

– Правильно, – сказал Звягинцев, наливая кофе в чашку студента. – Посидишь до утра, выпьешь кофейку и составишь подробный список всех входивших в этот день.

– Вчерашний день. – Василиса посмотрела на часы.

– На милицию надежды нет никакой, – сказал Звягинцев, – мужик из квартиры этажом ниже, по их предположению, тоже чуть не совершил суицид, подставив затылок под подающий светильник. Знал я того мужика. Он жил по принципу: «Если за день никто не получил от меня по морде, день прожит зря».

Кулемин подавился пельменем и закашлялся.

– Действовать придется самим, – продолжил писатель, принявший по молчаливому соглашению соседей руководство операцией. – Матильда завтра займется опросом местного населения. Возможно, преступников было несколько.

– Я прямо вижу их наяву, – прошептала Матильда, закрыв глаза, – два высоких коренастых блондина...

– В одном ботинке, – фыркнул ее супруг.

– Нет, – сказала она, – я вижу, как они тащат не ботинок, а тяжелые сумки с нашими сокровищами. Сумки, я их тоже вижу прямо наяву, такие клетчатые, как у челноков с Черкизовского рынка. А в сумках звенят кольца и серьги, звенят...

– И ты их слышишь? – усмехнулся Федор. – Пустим Матильду по следу, как служебную собаку.

– Ясновидение нам может пригодиться, – задумался Звягинцев.

Матильда подбоchenилась и торжествующе посмотрела на супруга.

– Его я возьму на себя, одна вполне приличная ясновидящая живет в Ближнем Трахатунске.

Улыбка сползла с торжествующего лица Матильды, и она обиженно надула губки.

– Вполне возможно, – сказала она, – что они не все нашли. А это, – она указала на кольцо, – только часть клада. Они стали пытаться Людмилу, но она не согласилась выдать им секрет захоронения. А сокровище так и осталось лежать там, где его нашла Людмила. Она ведь могла взять оттуда только это кольцо.

– Отменять заказ на тепловизор не стану, – почесал затылок Федор.

– Она вполне могла взять из тайника только одно кольцо, – глубокомысленно изрек студент. – А остальные оставить на месте. Но где оно, это место?! Что у Васиных случилось такого, что Матвей ополоумел?! Он ведь бегал и кричал, что ему грозит пальцем покойница Алевтина...

– Покойники, – поежилась Матильда, – всегда к сокровищам. Есть такая народная примета: если встретил покойника, рядом с ним обязательно найдешь сокровище.

– Похоже, – погладил ее по рыжей голове супруг, – я свое уже нашел. Мы с ней познакомились на кладбище, кругом были одни покойники.

– Да, они и одна моя подруга, похоронившая третьего мужа. А Федор пришел на могилу к другу. Надо же, как все романтично у нас с тобой произошло!

– Да уж, – пробормотал Звягинцев, – можно написать целый роман о человеческой глупости.

– Я уже сказала, что ваши книжки читать не намерена. Вы сами пишете глупости.

– Дорогая моя! – воскликнул писатель, сложив на груди руки. – Я пишу то, что продается!

– Если бы оно продавалось, вы бы давно имели отдельную жилплощадь.

– А я и имел. Только все оставил своей бывшей жене и сыну. Поступил, как настоящий мужчина! И поступлю снова, вот увидите! Найду клад и поделюсь с соседями. Надеюсь, что все остальные поступят так же, как я?! – Звягинцев обвел соседей суровым взглядом.

– Как же, – фыркнул студент Кулемин, доедая под шумок последний пельмень. – Они поделятся, жди больше. Или отравят, или удушат, чтобы было меньше конкурентов. Двоих уже нет.

– Это естественный отбор, Кондратий, – успокоил его Звягинцев. – Остались самые совестливые и честные люди. По самым скромным подсчетам, старухин клад тянет на миллион долларов.

– Лучше миллион евро, – подсказала Матильда.

– Почему лучше?

– Больше. – Она от возбуждения почесала кончик носа.

– По самым скромным подсчетам, – повторил Звягинцев, – клад тянет на миллион евро.

– А по нескромным?! – подал голос студент.

– Еще больше, – нахмурился Федор. – И как делить миллион, если он всего один?!

– Вы его сначала найдите, – не выдержала Василиса.

– И найдем, – ответил Звягинцев. – Только как-то вы, голубушка, у нас остались не при делах. Мы поручаем вам... Мы вам поручаем... Ага! Найти частного сыщика и заняться парал-

лельным расследованием отравления Людмилы Васиной. Федор проводит Матвея в психушке, заодно убедится, сошел ли он с ума на самом деле...

– С вами сойдешь, – погрузилась Василиса. – И где мне его искать, сыщика-то? По объявлениям?

– У меня есть знакомый адвокат, – похвастался Кулемин.

– Вы делаете успехи, молодой человек, – похвалил его Звягинцев. – Адвокат нам еще понадобится, когда мы вскроем все стены этого дома.

– Значит, будем вскрывать, – решил Федор.

– А что делать, друг мой? Старуха спрятала, Людмила перепрятала. Или, что вероятнее всего, оставила клад на прежнем месте. Его и будем искать одновременно с преступниками, которые утащили часть сокровищ. Миссия выполнима, вопросы есть?

– Есть, – сказала Василиса, – это кольцо куда денем?

– Старуха отписала его вам, вы и берите, – махнул рукой Звягинцев.

– Если бы здесь был Матвей, он бы обязательно сказал, – засмеялся Кулемин и спародировал соседа: – «Правильно, пусть берет улику себе. Если ее с ней застукают, то мы ни при чем».

– Очень смешно, – грустно ответила на этот выпад девушка. – Просто обхохочешься, как вы все хорошо придумали.

– Давайте мне, я не боюсь улик. – Матильда взяла кольцо и надела его на свой палец. – Как здорово смотрится! Федор! А мне, оказывается, идут брильянты!

– Лучше бы тебе шла бижутерия, – схватился за голову супруг. – Если не найду брильянты, то мне придется кого-нибудь грохнуть, чтобы брильянты шли тебе и дальше.

– А вот этого не нужно, – испугался Звягинцев. – Еще чего надумали, хватит с нас происшествий! За одну неделю в подъезде сразу три, причем два из них – в нашей квартире. Мне вовсе не хочется сидеть и дрожать как осиновый лист: «Кто же следующий?!» – потому лучше замолчите и эту тему не поднимайте всуе. Разрядите свою семейную обстановку, займитесь Матвеем. Общение с умалишенными благоприятно сказывается на нормальных людях. Они начинают ценить то, что у них находится в голове.

– А что у них находится в голове? – заинтересовалась Матильда.

– У тебя, дорогая, – вздохнул Федор, – к сожалению, ничего. Впрочем, возможно, это к лучшему. Мне будет не привыкать общаться с убогими людьми.

– Значит, так, подводим итог нашей хотя и сумбурной, но все же плодотворной беседы. – Звягинцев наконец-то допил кофе. – Студент пишет список. (Кулемин протер сонные глаза и кивнул.) Федор едет к Матвею. (Он тоже сразу согласился.) Матильда занимается опросом, у нее хорошо получается чесать языком. (Она показала писателю этот язык, но отказываться не стала.) Я еду к ясновидящей. Василиса (та замерла и собралась отнекиваться) ищет частного сыщика и занимается расследованием. Вечером собираемся на этом же месте и разрабатываем дальнейшую тактику.

– Но я не могу! – крикнула Василиса, – не могу вечером!

– Все согласились, а она не может, видите ли! Хочешь не хочешь – придется.

Глава 4

Чур тебя, чур тебя! Сгинь, зараза!

Василиса сразу увидела брюнета, как только он зашел в зал. Был второй час дня, напряженное время обеденных перерывов, во время которых все продавщицы мелких точек и клерки ближайших офисов собирались на бизнес-ланч. Официантки, как по команде, уставились на нового клиента с немым вопросом в глазах. Каждая, Василиса ужаснулась этому открытию, каждая была готова кинуть поднос и броситься на помощь привлекательному брюнету. Пока Василиса, как парализованная, сидела за столиком администратора и разглядывала объявления в рекламных газетах, Руслан оглядывал зал. Она знала, что он ищет ее, но не верила своему счастью. Такие принцы только в сказках любят Золушек, в жизни они предпочитают принцесс. Хотя, если сравнить Василису и его сестру, брюнет – приятное исключение из правил. Он привык дома видеть перед собой это ободранное существо с одной серьгой в ухе и двумя кольцами в носу, оттого сносно относится к Василисе.

Возможно, его в ней заинтересовали глаза – огромные и круглые, как у испуганной коровы. Или греческий нос с небольшой горбинкой, которым она постоянно хлюпала потому, что перед этим умудрилась простудиться. Или ноги, как ни странно, растущие из нормального места, а не от ушей. Немного кривоватые, как у куклы Барби, но вполне приличные ноги в дорогой, добротной обуви. Василиса вздохнула, грудь, безусловно, подкачала. Совет великой Софии Лорен о том, что женщина должна покупать бюстик на размер меньше, ее не касался. Меньше был только подростковый. Исходя из всего этого Василиса пришла к выводу, что брюнет клюнул на красоту ее души.

Руслан наконец-то отыскал Василису и удивился задумчивому виду, с которым она смотрела на него. Но, вспомнив о том, что у нее вчера чуть не умерла соседка, он, как ему показалось, нашел причину задумчивости.

– Добрый день, прекрасная незнакомка. Можно ли присесть за ваш столик и скрасить одиночество? – Его карие глаза потеплели и заискрились.

– Конечно, – ответила Василиса, готовясь к тому, что за общение со знакомыми в рабочее время ее лишат премии. Нашли чем пугать одинокую девушку, встретившую своего Принца! Да она готова отдавать им все свои месячные премии за каждое такое свидание с карими глазами. Василиса подозвала официантку, и Руслан заказал бизнес-ланч.

– Кручусь, как белка в колесе, – признался он, – лето – жуткая пора, очень много клиентов.

– Чем же ты занимаешься? – Василиса поймала себя на том, что легко и естественно перешла на «ты».

– У меня необычная профессия, – признался Руслан и сделал паузу, как бы раздумывая, продолжать ли дальше. – Я занимаюсь частным сыском, – все-таки сказал он наконец.

– Сыском?! Частным?!

Василиса обомлела. То, что требовалось, само плыло к ней в руки. Но стоило ли привлекать к этому весьма щепетильному и запутанному делу с драгоценностями Алевтины Ивановны нового знакомого? Не скажется ли это на их отношениях? Ах да. Отношений пока нет. Да и он признается, что крутится, как белка в колесе, клиентов прорва. Возможно, он откажется от ее предложения. А если нет, у нее появится возможность видеть его гораздо чаще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.